

Злой гений номер два

Биография Лили Брик в Литературном музее

Их было двое в истории русской словесности, а может, и в русской культуре вообще, столь ревностно ненавидимых через столетия потомками, разумеется, даже не знавшими их лично. Двое, с разницей в сто лет отравлявших жизнь и в итоге погубивших двух наших величайших национальных гениев. Наталья Николаевна и Лилия Юрьевна.

Впрочем, дальше этой пошловатой малости потомки вдаются редко, в сущности, слабо интересуясь, что же делали эти женщины в жизни, помимо "состояния" при поэтах. Попыткой ответить на этот вопрос, по крайней мере в отношении одной из муз и общепризнанных "злых гениев", стала выставка, посвященная биографии Лили Брик, развернувшаяся перед Новым годом к ее отнюдь не юбилейному дню рождения в здании Литературного музея в Трубниковском переулке.

Два небольших камерных залычика с типичной литературной экспозицией в духе музейной практики полувекковой давности: фотографии из траченного временем семейного альбома 1920-х годов, небрежные каракули личных записок, афиши, книги авторские и дареные, маленькая витринка с надписью "личные вещи", вряд ли представляющая интерес даже для старьевщика, – пенсне, поношенный платочек с вышитыми инициалами, какой-то коврик и прядка волос... На этом фоне немногочисленные ударные шедевры – портреты Штеренберга и Тышлера, перекочевавшие из знаменитой квартиры на Кутузовском, брошка Леже, платье, подаренное Ив Сен-Лораном к 85-летию неувядающей ЛЮБ, головы Маяковского и Брика, изваянные Лилей Юрьевой собственноручно. Словом, ровным счетом ничего интересного для тех, кто жаждал скабрёзных подробностей или просто хотел познакомиться с порочной и загадочной историей возлюбленной революционного поэта. Выставка явно для "своих" – для тех, кто понимает, кто знаком с биографией Брик и культурным контекстом XX века не на уровне кроссвордных вопросов-ответов "любовница Маяковского?". Более того, это выставка практически не о ней, ибо личные вещи, реликвии и слова – здесь не главное. Все они, вынутые из фондов, тщательно собранные по архивам или впервые представленные семьей Катанянов, – лишь некое настроение, зарисовка, отблеск той жизни и того окружения, которые создали в итоге великую легенду Лили Брик. Письмо П.Неруды, дарственная надпись восхищенного Шагала, фотография Лили конца 30-х с акку-

ратно обрезанной фигурой репрессированного и расстрелянного мужа – выдающийся военный Примакова, сцены встреч с сестрой Эльзой Триоле и Луи Арагоном во время многочисленных поездок в Париж, по смертной записка. Но что все эти вещи непростой человеческой жизни рядом с многочисленными домыслами, догадками, сплетнями о роковой красавице с магнетическим взором?

Крутила романы? Похоже, лет с тринадцати, и практически со всеми, кто попадал в поле ее зрения. Долго и надсадно мучила Маяковского, а заодно и влюбленную в него собственную младшую сестру? Неопровержимо, хотя требует нюансировки и интерпретации. Открыто жила "втроем", изменяя обим? Тоже факт. Хотя к моменту встречи с Маяковским брак с Бриком перешел в дружескую фазу и с житейской точки зрения был формальным, а тройственные союзы à la Гиппиус – Мережковский – Философов давно перестали эпатировать столичную интеллигенцию. Имела связи с ЧК-ГПУ-НКВД? Безусловно. Даже иностранную визу получала по соответствующему удостоверению. Как одна из основных наследниц рукописей Маяковского тайла от печати практически единственное не ей посвященное лирическое стихотворение поэта? Бесконечно вздорила с сестрой Маяковского Людмилой из-за создания музея? Все верно. И тем не менее это лишь верхушка той самой "глыбы", которой, безусловно, была Лилия – старшая дочь московского юриста Урия Кагана, обучавшаяся сперва на математическом отделении Высших женских курсов, затем в Архитектур-

ном институте и, наконец, скульптуре в Германии, куда ее уехали родители, опасаясь слишком бурного и чувственного темперамента дочери. Ни тогда, ни потом – занимаясь балетом, демонстрируя дамскую моду, позировав для плакатов и обложек, снимаясь в кино, помогая Мейерхольду в постановке "Мистерии-буфф", выпуская собственную книгу и даже работая ассистентом Абрама Роома, она так и не стала человеком определенной творческой профессии – ни художником, ни литератором, ни режиссером, ни актрисой. Будучи искренне преданной новой власти, не скрывая своих симпатий к коммунистической верхушке и восторгов перед чекистской гвардией – думается, не столько из политических убеждений или житейского расчета, сколько по соображениям эстетического выбора: революция была программной частью левого искусства, модерна вообще, – Лилия Брик могла бы стать русской Лени Рифеншталь... но не стала. Она слишком интересовалась этими людьми, слишком хотела быть в гуще их судеб и занятий. Эмансипированная дама бурного кануна русских революций, она сквозь всю жизнь пронесла удивительное чутье на талант – Маяковский, Пастернак и даже Фернан Леже – Лилия Юрьевна одной из первых оценила их дар. Обладая огромной не только женской, но и интеллектуальной властью над своими многочисленными поклонниками, она заставляла их принимать свои вкусы и взгляды как эстетический абсолют. Не будучи членом партии, она играла едва ли не определяющую роль в союзе "коммунистов-футуристов", приложи-

ла руку к манифесту ОПОЯЗа и другим программным сочинениям левых литераторов, "Лилия всегда права", – говорил Маяковский, беспрекословно меняя по ее слову колористическое решение РОСТАвских плакатов и целые куски текстов. Она прекрасно знала возможности своего огромного влияния и, хотя вряд ли отдавала отчет в его природе, неизменно до единичности открыто пользовалась им. То с кокетством наказывая привести из "загранки" духи, пижамки, шубу и даже "фордик". То мистическим образом вызволяя из гэгзущих застенков близких или добывая визы на уже практически невозможный выезд из СССР даже дальним знакомым.

В таком разрезе фотографии становятся интереснее. Вглядываешься. Но ни в маленькой девчурке на руках родителей, ни в роскошной нэпмановской барышне, демонстрирующей модное платье, ни в осанитой даме, тысячекратно позирующей меж "Осей" и "Волосиком", нет ничего фрамфатального, ничего от Фрины. Как, впрочем, нет и "наглых глаз" на потасканном крашеном лице – единственного, увиденного в Брик Ахматовой, видимо, так и не простившей своему супругу Пунину страстного увлечения. Зато есть десятки трогательных записок и рисунков Маяковского: "Дорогой, любимый детик. Принес тебе пол-Африки (поливай один раз в неделю, и чучотку). Целую всю Лилию весь Шен", "Новорожденному рыжему Киситу рыжие цветочки. Очень любящий Шен" или "Цветочки нате-ка кисам от ценятника". Почти исключительно его к ней. За одним исключением – на клочке календарной бумажки: "Ты меня любишь? – Да".

И нигде ни малейшего намека на безвозвратно утраченный секрет былой харизмы. Лишь безусловные следы ее наличия и суровости беспощадного времени. Канула в Лету кинокартина "Закванная фильмой", та самая, про балерину и художника, сценарий которой Маяковский писал специально для того, чтобы сниматься вместе с ней. Осталась афиша с портретом Лили, перевитой бантом киноплёнки. Сравнения с Суламифью кажутся сегодня странной натяжкой, а тот самый сохранившийся локон сомнительно тускл и темен. Но остались стихи. Ощущение большой и значительной судьбы, которой, даже судя по этой маленькой выставке, хватило бы отнюдь не на одну человеческую биографию, причем не только женскую.

Д. Бурлюк. Портрет Лили Брик. 1956 г.

Кувалдин, 2004-15-27 ЯНВ - с 10